

Кузубова Ангелина Юрьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры философии, экономики
и социально-гуманитарных дисциплин
Воронежского государственного
педагогического университета

ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ «ОБЯЗАННОСТИ» В ПОЛИТИКО- ПРАВОВЫХ ДОКТРИНАХ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА И ЕВРОПЕЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА XIX ВЕКА

Аннотация:

Обращение к исследованию трактовки обязанностей в политико-правовых доктринах отечественного консерватизма и классического европейского либерализма представляется актуальным в силу особой роли института обязанностей в системе правового регулирования. В контексте рассмотрения взглядов ведущих мыслителей либерализма и консерватизма проанализирован феномен обязанностей, по-разному раскрываемый в положениях изученных политико-правовых доктрин XIX в. Сделан вывод о том, что либеральная мысль ориентировалась на право, как на единственную регулирующую и дисциплинирующую систему, выдвигающую на первое место именно права, а не обязанности, не их комплексное взаимодействие. Напротив, политико-правовая доктрина консерватизма подвергла сомнению абсолютизацию прав человека, обосновала первенство обязанностей, выдвинув теорию нравственного права, поднимающую функционал права над государственным принуждением. В консервативном учении конвергенция морального долга и юридической обязанности воплощалась в должностовании морального права, имеющего атрибутивные признаки двух феноменов.

Ключевые слова:

политико-правовая доктрина, правовые ценности, русский консерватизм, классический либерализм, обязанности, должностование, нравственное право.

Kuzubova Angelina Yurievna

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Philosophy, Economics,
Social and Humanitarian Disciplines,
Voronezh State Pedagogical University

THE LEGAL CATEGORY OF “OBLIGATION” IN THE POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES OF RUSSIAN CONSERVATISM AND EUROPEAN LIBERALISM OF THE 19TH CENTURY

Summary:

The study of the interpretation of obligation in the political and legal doctrines of Russian conservatism and classical European liberalism is relevant due to the special role of the Institute of obligations in the system of legal regulation. In the context of considering the views of the leading thinkers of liberalism and conservatism, the author analyzes the phenomenon of legal obligations, which is differently revealed in the provisions of the studied political and legal doctrines of the 19th century. It is concluded that liberal thought focused on law as the only regulating and disciplining system that puts rights in the first place, not obligations, and not their complex interaction. On the contrary, the political and legal doctrine of conservatism questioned the absolutization of human rights, justified the primacy of obligations over rights, and put forward a theory of moral law that raises the function of law over state coercion. In the conservative doctrine, the convergence of moral duty and legal obligation was embodied in the obligation of moral law, which has attributes of the two phenomena.

Keywords:

political and legal doctrine, legal values, Russian conservatism, classical liberalism, obligations, duty, moral law.

Актуальность темы исследования заключена в необходимости адекватной научной оценки представлений консерватизма и либерализма как крупнейших и влиятельнейших политико-правовых доктрин XIX в. и современности в контексте потребностей правовой эволюции. Осознание того, что в условиях цивилизационного многообразия попытка глобальной стандартизации и унификации права в соответствие с либеральной моделью дала сбой, обостряет проблему поиска новых форм социальной организации. В первые десятилетия XXI в. становится очевидной утрата юридической категорией «обязанности» внутреннего ценностного содержания на фоне сохранения лишь внешней формы в виде абстрактного должностования. Это, как и гиперболизация значения прав и свобод, популяризация стремления обладать только правами, подрывает регулятивный потенциал права. Обязанности в современных реалиях воспринимаются как «неизбежное зло», антиценность, нечто противоположное позитивным свободам и правам. Предполагается, что права и свободы естественны и вытекают из природы человека, тогда как обязанности – элемент государственного принуждения. Вместе с тем гармония общественных отношений подразумевает не только уважение к правам человека, но и выполнение определенных обязанностей.

Категория «обязанности» раскрывается через изучение ее ценностной составляющей, поэтому обращение к правовой аксиологии европейского либерализма и русского консерватизма

XIX в. представляет актуальную научную задачу. Тем более, что проблематика обязанностей в политико-правовых доктринах отечественного консерватизма и европейского либерализма мало изучена. Выявление аксиологических доминант исследуемых доктрин является значимым в плане установления глубинной смысловой связи современной правовой теории России с концептуальной традицией отечественной правовой мысли XIX в., а также в аспекте приближения к пониманию особенностей российского правового бытия.

Категория «обязанности» возникла много веков назад, в связи с чем попытки ее теоретического осмысления предпринимало не одно поколение мыслителей разных регионов мира. Новое время стало периодом появления естественноправовых доктрин, возводивших в ранг высших ценностей свободу, права на жизнь, собственность, достоинство и др. Одновременно обосновывались первичность и независимость системы прав от государственной власти, развивались теории ограничения вмешательства государства в права и свободы индивидов. Либеральные естественноправовые теории распространялись в глобальном масштабе под лозунгом их универсальности.

Формирование классических либеральных теорий прав человека происходило в XVII–XVIII вв. в Европе и Америке, в этот период появились труды Д. Локка, И. Канта, А. Смита, Т. Джефферсона и др. Однако доктринальную завершенность они обрели в XIX в. в учениях Д.С. Милля, Б. Константа, А. Токвиля, В. Гумбольдта, Л. Штейна. Английский правовед, теоретик либерализма И. Бентам выступил создателем учения о правильном, должном, введя понятие «деонтология». В центре теории лежит принцип пользы, в соответствии с которым поступок является заслуживающим или не заслуживающим одобрения в зависимости от увеличения или уменьшения «суммы общественного счастья». И. Бентам писал: «Чувство долга, которое привязывает людей к их обязательствам, есть не что иное, как чувство интереса высшего разряда, который берет верх над интересом подчиненным» [1, с. 33]. В рамках указанного гедонистического учения обосновывалась идея, что все законы и общественные институты следует оценивать с точки зрения их способности воплощать наибольшее счастье людей.

История становления европейской цивилизации, основанной на экономическом индивидуализме и философии рациональности, обусловила появление феномена личной индивидуальной ответственности, ставшей способом реализации обязанностей. В либеральной доктрине права личности выступали основным элементом ее правового статуса, ассоциируясь с юридическим выражением свободы, а точнее, с определенными правомочиями, получаемыми для фактической реализации свободы. В качестве источника прав человека воспринималась его биосоциальная природа, а сами правила, обеспечивающие защиту достоинства и свободы, рассматривались в качестве прирожденных и неотчуждаемых, а не дарованных правителями. Подчиненное положение в указанной концепции занимали обязанности, трактуемые как ущемление личной свободы, отказ от благ взамен предоставления правовой охраны свобод. Либерализм обосновывал существование абстрактного человека, автономного от общества и обладающего некими «врожденными» правами, никак не связанными с обязанностями.

Проблему соотношения прав и обязанностей в политико-правовой доктрине либерализма можно рассматривать в плоскости взаимодействия правовых и моральных регуляторов социальных отношений. Либеральное учение исходило из идеи свободы личности как центра мироздания, концепта индивида, лишённого религиозных ограничений. Секуляризованное правосознание ориентировалось на право, как на единственную регулирующую и дисциплинирующую систему, выдвигающую на первое место именно права, а не обязанности, не их комплексное взаимодействие. В девальвации роли морали и нравственности проявлялась слабость либеральной доктрины, так как формальное право с его детальной регламентацией общественных отношений все же не способно проникать в глубины сознания человека, направлять его волю в нужное русло, это под силу только регуляторам высшего порядка.

Обязанность в широком смысле – это все должное, то есть то, что требуется исполнять или соблюдать, тогда как долг является объективно необходимым требованием общественной морали. И. Кант указывал в качестве критериев дифференциации морального долга и правовой обязанности мотив и отношение к возможности применения принуждения. Соблюдение категорического императива (долга) он относил к сфере морали – это был результат свободного выбора. Тогда как мотивация юридических поступков, согласно учению И. Канта, неважна, они совершаются в контексте потенциала государственного принуждения [2]. Так, классический либерализм минимизировал нравственные стороны правового бытия, развивал идеи свободы от всего, в том числе от морали и нравственности. В указанном контексте логичным стало снижение авторитета обязанностей и долженствования, лежащих в основе традиционной морали.

В рамках консервативного правопонимания критиковался рациональный догматизм правовых идеалов либеральной доктрины, основанный на несовершенном, с точки зрения консерватизма, способе рационального познания. Русский консерватизм представил миру свое видение

политико-правовой проблематики, ставшей ответом религиозного сознания на социальные условия и идеологию Нового времени. Православное учение предопределяло многие ценностные установки консерватизма, формулировало его главную идею – создание и охранение общественных отношений, способствующих нравственному развитию, ради спасения.

В отечественной консервативной политико-правовой доктрине (Н.М. Карамзин, К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров, Ф.М. Достоевский, К.П. Победоносцев и др.) концепт обязанностей был сформулирован своеобразно: они выступали в качестве стимулов, несли позитивные свойства и были обусловлены долгом совершения определенных действий. В рамках учения произошло единение морального долга и правовой обязанности, сблизившее право и нравственность.

Консерватизм затронул важную проблему внутреннего самообязывания, воплощаемого в процессе правоприменения в виде юридических обязанностей, т. е. статус субъекта социальных отношений ставился в зависимость от круга его обязанностей. Речь велась о диалектическом соединении прав и обязанностей в конкретно-исторических условиях, ведь именно включение в общественные структуры позволяло, по мнению консерваторов, приобретать субъекту заслуживаемые им степени свободы. Представления о естественном неравенстве людей в их социальном положении, уровне образования, потребностях и других качествах, характерные для консерватизма, нашли отражение и в теории юридического неравенства обязанностей и прав.

В противоположность либеральной концепции естественного права консерватизм выдвинул идею долга как блага. Поэтому само право понималось скорее как самоограничение и долг. Долженствование рассматривалось как внутренняя сторона обязанности, отражение потенциала действия. Это была нравственная готовность нести определенную меру ответственности с учетом интересов социальной общности, государства и личности. Обязанности основаны на внутренних ценностях человека, поэтому субъективная ответственность невозможна без взаимодействия компонентов совести, вины, долженствования, справедливости. В то же время обязанности – это модель сложных взаимоотношений между личностью, обществом и его частями, государством в разных вариациях, например, между двумя личностями. Именно патернализм и коллективизм обусловили развитость морального компонента в отечественном феномене долженствования.

В консервативной политико-правовой доктрине акцентировалось внимание на позитивной (внутренней, осуществляемой добровольно), а не ретроспективной ответственности, реализуемой в виде государственного принуждения. Внутриличностное «переживание» права обеспечивало корреляцию субъективных прав и юридических обязанностей. В соответствии с этим в отечественном консерватизме получила развитие идея внутрисубъектности юридических обязанностей. В правовой теории консерватизма обязанности воспринимались в качестве нравственных прав, происходило слияние прав и обязанностей.

Консервативное измерение прав личности, как социального служения во имя высших ценностей, очень точно сформулировал М.Н. Катков: «Русские поданные имеют нечто более, чем права политические, – они имеют политические обязанности. <...> Каждый не то что имеет только право принимать участие в государственной жизни и заботиться о ее пользах, но призывается к тому долгом верноподданного. Вот наша конституция» [3].

Категория «обязанности» наполнена многообразным содержанием, отражающим синтез религиозных, нравственных и правовых начал. Представитель пореформенного консерватизма К.Н. Леонтьев считал залогом стабильности государств социальные слои, юридически наделенные неравными правами и обязанностями. Философ предупреждал об опасности демократизации не только пороков, но и добродетелей, так как даже определенные положительные чувства в людях разного происхождения, воспитания и образования порождают разные, зачастую вредные для общества, последствия [4, с. 261–262].

Правовая аксиология консерватизма основывалась на идеях неравенства и иерархичности, стратификации, национальной принадлежности общества, поэтому она считала некорректной постановку вопроса об универсальных и абстрактных правах и обязанностях человека [5]. Вместе с тем, консерватизм всегда настаивал на индивидуализации подходов к личности как к конкретному человеку с определенной культурой, вероисповеданием, традициями, обусловленными окружающей его социальной действительностью. В политико-правовом учении Л.А. Тихомирова тема прав и обязанностей рассматривалась сквозь призму природы монархической власти. Мыслитель настаивал на необходимости паритета прав и обязанностей, так как «сознание права повсюду вытекает из сознания обязанности долга» [6, с. 578].

В свою очередь И.А. Ильин подчеркивал, что правосознание, как категория правовой науки, не сводимо к осознанию человеком своих прав. Предоставляя полномочие, право определяет формы и способы исполнения долга: «Люди, не ведающие своих обязанностей, не в состоянии и блюсти их, не знают их пределов и бессильны против вымогательства «воеводы», ростовщика и грабителя; люди, не знающие своих полномочий, произвольно превышают их, или же трусливо

уступают силе; люди, не знающие своих запретностей, легко забывают всякий удерж и дисциплину, или оказываются обреченными на правовую невменяемость» [7, с. 24]. Права трактовались консерваторами как инструмент для отправления обязанностей. И.А. Ильин, подобно М.Н. Каткову, отмечал специфику национального правосознания, в котором публично-правовые обязанности воспринимались как права, и наоборот, полномочия как обязанности.

Следует заключить, что глубина философско-правового осмысления категории «обязанности» влияет на качество правовой реальности. Эволюция правового поля невозможна вне использования достижений отечественной правовой мысли, отражающих архетип национальной правовой культуры и демонстрирующих специфику институционализации правовых ценностей. Либеральная концепция прав личности основывалась на представлениях о всеобщности прав, формальном юридическом равенстве независимо от вероисповедания, имущественного и социального положения, образовательного ценза и др.

В учении консерватизма, в противовес либерально-гуманистическим теориям, возводящим на пьедестал права человека, идеализировалась этика долга. Отрицая эгалитарные установки либерализма, консерваторы настаивали на их несоответствии традиционным для отечественной государственности основам в виде православного мировоззрения, самодержавного правления, стратификации общественного устройства.

В консервативной доктрине произошло теоретическое обоснование различия обязанностей: как правовая категория они выступали в качестве институциональной ценности, реализующейся под внешним принуждением, ориентированной на интересы государства, имеющей конкретный результат; обязанности в моральном измерении – общечеловеческая ценность, представляющая возможность свободного выбора при следовании нравственному идеалу, носящая всеобщий и вневременной характер.

Консервативные подходы к правам, свободам и обязанностям не стоит олицетворять с отрицанием ценности человеческой личности, ее достоинства, умалением прав. Выдвинутая и обоснованная консервативной политико-правовой доктриной идея правообязанностей соответствовала православному пониманию прав и обязанностей, христианским принципам бытия и социоцентристской системе ценностей российского общества. Слияние прав и обязанностей в единый модус представлялось органичным и непротиворечивым, а построенное на такой идее государство рассматривалось как общественный идеал. Подобная система правового регулирования являла собой антиномию либеральному «свободному» праву, исходящему из автономии личности и механических, внешних связей между правами и обязанностями.

Эволюция обязанностей является отражением уровня восхождения общества от биологического к социально-правовому. Каждый человек не только должен выполнять нравственно-правовые требования, но и способствовать укреплению и распространению тех позитивных установок, которые он разделяет. В наши дни следует уходить как от сложившегося ординарного восприятия правовой культуры России, так и от упрощенных трактовок юридических обязанностей как определенного поведения, обеспечиваемого угрозой государственного принуждения. Обязанности должны стать важным элементом социального статуса нравственно достойной личности.

Ссылки:

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. 415 с.
2. Кант И. Сочинения в шести томах / под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. 544 с.
3. Катков М.Н. Независимость печати (Наша конституция и наши политические обязанности) [Электронный ресурс] // Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_nezawisimost.html (дата обращения: 11.07.2019).
4. Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // Цветущая сложность: избранные статьи / сост., предисл., коммент. Т.М. Глушковой. М., 1992. С. 221–279.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2015. 768 с. ; Победоносцев К.П. Болезна нашего времени // Pro et contra : антология / вступ. ст., сост. и примеч. С.Л. Фирсова. СПб., 1996. С. 137–165 ; Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени // Там же. С. 99–114.
6. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М, 1998. 672 с.
7. Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. 235 с.

Редактор: Шитикова Ольга Сергеевна
Переводчик: Бирюкова Полина Сергеевна